

В семью входили и все слуги («челядь»), которые иногда носят идущее от византийских оригиналов поучений имя «рабов и рабынь». «Слово како имети челядь»²³ определяет обязанности и права «игумена в дому своем» по отношению к слугам. За них, как и за жену и детей, «владыка дому» также должен «ответ даяти» богу, «аще не наставит их на добродетель». Этим прежде всего определяется характер отношений к челяди. Напоминая, что «бесчествовать» рабов нельзя, так как они «того же естества суть», «тации же суть», что «все одинако сотворены во утробе», «Слово како имети челядь» предписывает такое же строгое обращение с слугами, как и с детьми, чтобы они «во твоей (хозяина) воли» ходили, были научены добродетели, «страху божию» и «покоилю» «владыку дома». Если раб не повинуется, то «не злобою, а усердием», «по рассмотрению» (т. е. обдуманно) надо его наказывать, впрочем умеренно: «не буди излих над всякою плотию», «не чрез силу» бей слугу — «до 6 или до 9 ран; аще ли зла вина вельми, то 30 ран, а лише не велим». Но не гуманность диктует это ограничение: «аще ли его (раба) озлобиши, то встав бежит от тебе». Хозяйственной выгодой в первую очередь определяется и приказание заботиться о материальных нуждах челяди: «Аще ли им доволная пища и одежда не подаваете, они, не терпяще наготы и глада, крадут и разбивают»; зато хорошо наученные и довольные хозяином слуги «помощницы ти будут и поучат тя на добро». «Слово како имети челядь» предостерегает и от излишнего отягчения слуг работой: «Егда како да не в горести суще душа его воздохнет на тя богу, и скоро услышит господь молитву их и прольет на тя гнев свой». Но работа, хоть и «в меру», должна занимать все время слуг, потому что «праздность научает злобе», т. е. вредит интересам хозяина здесь и влечет за собой наказание «владыки» в будущем, на «страшном суде», когда с него спросится за грехи слуг. Этими двумя соображениями определяется мера строгости по отношению к слугам, хотя все еще напоминает христианский завет — «того же естества ти суть». Безграничная власть хозяина крепостного периода Измарагдом еще не устанавливается ни теоретически, ни практически.

Безусловное повиновение «властелем», «князем» опирается на тезис: «от бога дана им держава» («Слово святых отец како жити христианом», ссылаясь на апостола Павла, внушает: «вся бо власти от бога устроены суть», — В. А. Яковлев, стр. 212). Поэтому «Слово яко подобает покарятися властелем и честь воздати им и при всем послушати им» (Измарагд, ч. 1, л. 85—85 об.) требует не прекословить властям, «аще и пронырливи суть»: «Во сердце своем на князя не мысли и в ложнице своей не клени его». Но требование это определяется страхом наказания не только от бога, но и от самого князя: «Егда птица глас твой донесет его и готов будеши страдати злая» (ч. 1, л. 85). Еще резче выражает требование покорности властям «Слово святых отец како жити христианом» (ч. 2, л. 27 об.): «Князю приязньство имейте, не мысли нань зла. Аще кто власти противится, суду божию повинен есть». Итак, если даже «властели пронырливи», им необходимо подчиняться и даже мысленно не осуждать их, между тем все значения слова «пронырливы» в древнерусском языке (лукавый, коварный, злой, дурной) носят отрицательный характер.²⁴

Однако сами поучения Измарагда не раз обращаются к вопросу о «неправедном» поведении властей, и даже «Слово святых отец о славе мира

²³ Издано, см.: А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, IV. Казань, 1890, стр. 18—20.

²⁴ См.: Срезневский. Материалы, т. II, столб. 1551.